

Комм. правда. — 1994. — 21 дек. — с. 8

Говорят, я уродую советских людей...

Одни относят Татьяну Назаренко к классикам, другие — к «потерянному поколению»

Она не любит, когда картины покидают мастерскую. Будь ее воля, никогда не продала бы ни одну. Но как без этого прожить?

Всю жизнь ее влечет одна тема — одинокий голос человека. Даже карнавалы в ее картинах — это карнавалы одиноких. Когда она еще в Суриковском институте писала дипломную, руководитель сказал: «Таня, вы забыли все, чему вас учили в институте...» Она не понимала, что он имел в виду.

Мы сидим в ее московской мастерской на Верхней Масловке, в сталинском доме, сплошь увешанном мемориальными досками. За окном слякоть. Пьем быстро стынувший чай.

Она с трудом согласилась на интервью. «Искренность потом против тебя же используют...»

— Я не ощущаю себя потерянным поколением. Мы успели вкусить свободы в «оттепель». И в брежневское безвременье пытались показывать на выставках то, о чем думали: или прямо, или через аллегории. Мои картины не раз снимали с выставок. «Пугачева» — трижды. Меня объявляли невъездной...

Но я никогда не была художником андеграунда. Участвовала во многих других выставках. За границей тоже. Получала разные премии. При этом в близости с властью меня тоже упрекнуть нельзя. Первая персональная выставка прошла лишь в перестройку. Считалось, что я уродую советских людей. Я шла на эти конфликты, продолжала писать так, как думаю. Но и жить на что-то надо было. Писала портреты друзей, декабристов.

— Интересные были названия выставок, в которых вы принимали участие — «Мы строим коммунизм», «По ленинскому пути», «Слава труду»...

— Портреты друзей и героев истории как раз и проходили. Нужно же было что-то искреннее на фоне бесконечных рабочих, призывавших вперед. А моя единственная картина на производственную тему появилась только на персональной выставке. Чудовищно уродливые женщины. Ее сейчас в Америке купили. Им понравилось.

Назаренко и ее картина.

— Один критик написал как-то, что ваш «Пугачев» лицом напоминает Высоцкого.

— Это глупость. У него были другие аналоги. Но мои исторические картины, конечно же, связаны с днем сегодняшним. «Пугачев» — это история предательства. Оно на каждом шагу. От Пугачева отказались сподвижники, обрекая его на казнь. Так всегда происходит.

Каждая новая власть, приходя, занимает те же особняки, те же столы... Я не открываю ничего нового. Пиджак не успевает остыть, а в него уже кто-то влезает.

— А не кажется вам, что наша интеллигенция слишком заигрывает с властью, слишком политически ангажирована?

— Это не сегодня произошло. Помните русских авангардистов начала века? Просто дрожь берет. Через неделю после революции к Луначарскому прибегает один из самых авангардных художников: хочет работать на благо революции. И Малевич, и Кандинский, и Шагал — все с радостью приняли революцию. И были комиссарами, и участвовали в оформлении площадей. А художники-реалисты оказались гонимы. Не их было время. Но потом все резко изменилось. Авангардисты вынуждены были или покинуть страну, или уйти в подполье. Фальк, Тышлер тихо работали, жили впроголодь...

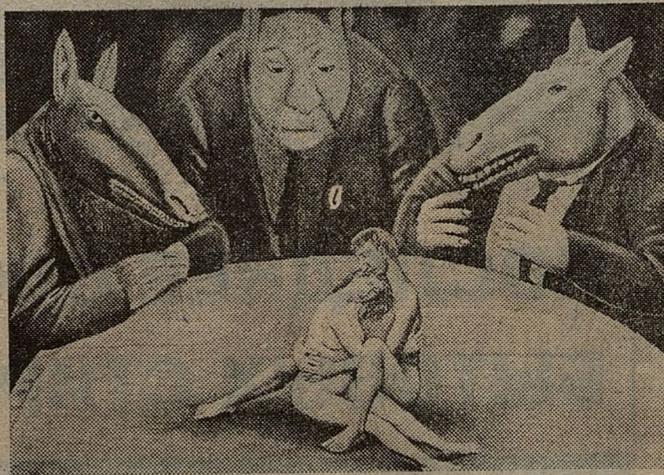

Фото Владимира ВЕЛЕНГУРИНА.

Помню одну встречу Ельцина с интеллигенцией. Нас все время призывали: вы должны поддержать правительство. А мне очень странным казался этот призыв. Как это нужно поддержать, если роль интеллигенции прямо противоположна.

На той же встрече в Большом театре Наталья Ильинична Сац буквально пропела дрожащим голосом: об одном прошу вас, Борис Николаевич, — стабильности! Тогда это как-то смешно прозвучало. Хотелось сказать всем что-то главное, наболевшее. А она была единственная права.

— Вообще, какое дело художнику до того, что происходит на улице; сиди себе и рисуй.

— Для меня всегда события в стране — личное дело. Может, еще с тех пор, когда узнала, что был репрессирован дед. И вообще есть ощущение — предназначение художника повеждать что-то такое миру. Чисто российское. Я мало сейчас пишу. Но каждый раз, подходя к холсту, слышу какой-то внутренний голос: вот это можно, а это нельзя.

— Разве свобода — не главное для художника?

— Просто так свободы не бывает. Известный коллекционер Питер Людвиг рассказывал мне, что был у Пикассо в последний год его жизни. И тот ему сказал: вот, наконец, теперь я смогу писать для се-

бя, я устал угрождать публике.

Как ни странно, в застой мне легче работало. У меня было много работ, которые, я точно знала, не появятся никогда на выставках. Но они были потребностью. Сейчас у меня такого нет. Я знаю, что все могу выставить. А это рождает вопросы: зачем, кому это нужно?

— Кто теперь диктует художнику соцзаказ?

— Галерейщики. Они говорят, что и как делать. В любом договоре обговорены даже размеры картин. И по теме это должно быть что-то радующее глаз. Мне часто говорят: почему вы так мрачно пишете, давайте ваши праздники, портреты людей. Меня и муж призывает: надо более яркое, продажное. Я пробую, но у меня это яркое и продажное получается неприятным, с осадком.

— Летом на выставку Илья Глазунова в Манеж приезжал сам Ельцин. Это был, похоже, единственный случай, когда новые власти уделили такое внимание художнику. Но ведь и для старой власти Илья Сергеевич был художником номер один?

— Стоявшие у власти люди у нас никогда в принципе не разбирались в искусстве. Куда вели — туда и шли. Думаю, это была тоже какая-то спланированная акция окружения Ельцина. Глазунов всегда жалелся на гонения. Имидж гонимого художника он сам разработал. Трудно себе пред-

ставить более благополучного художника в нашей стране. Разве только Церетели. Орел мученика, видимо, не дает Глазунову покоя. А на Руси всегда любили мучеников.

— У «новых русских» сейчас модно вместо портретов вождей в кабинетах и офисах вешивать картины. Банки соревнуются, у кого коллекция престижнее.

— У меня тоже несколько работ купили «Московия», Инкомбанк. Но то ли сейчас у банков дела плохо идут, то ли они разочаровались в приобретениях, то ли я просто не участвую в этом процессе, — сейчас тихо.

— А действительно в мастерских московских художников иностранцы скупили все портреты передовиков, советских вождей — весь этот агитпроп?

— Да, это правда. Видимо, все находит свое применение. Мне рассказывали, что на Тайване у одного банка крупная коллекция соцреализма: Ткачев, Салахов, Платов... Очень трудно представить стариков и доярок Ткачева, русские пейзажи на фоне ослепительного морского побережья. Может быть, это какая-то мода. Или это для них экзотика, как для нас китайские, индийские безделушки?

— У вас осталась ностальгия по старым временам?

— По друзьям. Мы очень тесно общались. А сейчас жизнь развела. Люди как-то не те стали.

— Как вам вообще нынешняя светская жизнь?

— Мне она нравится. Но вот что произошло. Раньше перед людьми искусства преклонялись. Их боготворили. В Дом художника или актера нельзя было пройти просто так, имей ты хоть миллион рублей. А теперь роли несколько поменялись. Мы стали обслугой богатых. И ныне для нас престижно попасть на ту или иную шикарную презентацию.

Мне говорят: люди на ваших картинах — это какой-то гротеск. Я не согласна. Мы всегда преувеличиваем свои достоинства и преуменьшаем недостатки. Просто я вижу людей такими, какие они есть. А это не всегда красиво.

Николай ЕФИМОВИЧ.
(Наш корр.)